

Н.Кононкова
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ В РЕГИОНАХ
(Обзор)

Внимание к регионам вызвано двумя основными причинами. Во-первых, крайне сложный процесс формирования новых федеративных отношений показал, что сохранение и укрепление России как единого федеративного государства неразрывно связано с преодолением сложившихся в дореформенный период негативных тенденций территориального развития, всесторонним использованием региональных факторов для достижения общих стратегических целей социально-экономического развития страны. Во-вторых, основные проблемы, вызванные экономическим кризисом и радикальным реформированием экономической системы, чреватые взрывоопасными ситуациями, проявляются именно в регионах и, следовательно, требуют решения в первую очередь на этом уровне (17). В литературе, посвященной трансформации региональной экономики, наибольшее внимание уделяется вопросам влияния реформ на экономическое развитие регионов, сопоставлению глубины экономических реформ в различных регионах страны, совершенствованию региональной политики и различным концепциям стратегического развития территорий.

Реформы не проходили гладко и одинаково на территории России. В этом смысле опыт различных регионов представляет собой богатый фактический материал для исследователей. Он требует специального серьезного изучения, которое “не должно сводиться ни к прокоммунистической истерике и экстремистским выкрикам, ни к псевдоакадемической риторике”, когда весьма поверхностное знание фактов подменяется глубоким знанием теории (19, с.4). Ученых интересуют различные аспекты влияния преобразований на регионы, начиная с самого факта восприятия реформ и заканчивая эффективностью их прохождения.

Разные возможности регионов проявились и в разных стратегиях реформирования, среди которых выделяются три основных типа:

- неприятие и в некоторых случаях противодействие реформированию;
- ожидание и медленная адаптация к реформированию с контролированием отдельных цен и сохранением некоторых распределительных механизмов;
- ускоренное реформирование, в отдельных случаях опережающее общероссийские процессы (9).

Такой разброс в стратегиях обусловлен объективными причинами и свидетельствует о необходимости дифференцированного подхода к процессам реформирования в регионах.

Точная оценка региональных различий хода экономической реформы, выявление регионов, нуждающихся в особой федеральной поддержке, в значительной степени зависят от правильного выбора системы показателей, адекватно отражающих реакцию региональных процессов на проводимую центром региональную политику. Однако и в современных условиях практически решить эту задачу достаточно сложно, так как различные социально-экономические индикаторы могут давать очень противоречивую и во многих случаях явно не достоверную оценку фактического положения отдельных регионов.

За годы реформ различия между регионами только усиливались. Это происходило в силу действующих объективных и субъективных факторов. Объективные факторы формировались веками, поэтому они определяют глубинные причины дифференциации, а именно: природно-экономический потенциал, климатические условия, демографические тенденции, исторические и культурные особенности, сложившееся разделение труда, состояние промышленно-транспортного комплекса, финансовой и банковской систем, экологическая обстановка. Субъективные факторы отражают ситуацию последних лет развития экономики, поскольку

именно они сегодня определяют степень дифференциации регионов. Это политика властей всех уровней по отношению к региону, эффективность институциональных преобразований, уровень отраслевой диверсификации, зависимость от внешних рынков и др. (4, 7).

Исследователи обращают внимание на негативные последствия асимметричного регионального развития территорий. Под асимметричным региональным развитием подразумевается ситуация, при которой регионы, характеризующиеся относительным преимуществом по конкретному показателю в начале периода, в дальнейшем его наращивают, а регионы с относительным отставанием – его усугубляют. И, наоборот, гармоничным является тип развития, при котором разрыв в уровне региональных показателей сокращается (12). Последняя ситуация крайне редко наблюдается в нашей стране, и связано это с рыночными преобразованиями. Вместе с тем, асимметричное экономическое развитие, даже асимметрия кризиса, “разрушает не только Россию, но и размывает систему внутрирегиональных экономических отношений” (12, с.71). Асимметрия, усиливающаяся в процессе реформирования экономики, становится безусловным препятствием на пути реформ (28).

Несмотря на то, что в последнее время отчетливо проявилась тенденция к негативной оценке экономических реформ, В.Мау, Е.Ясин и другие ученые не подвергают сомнению их целесообразность и эффективность, особенно в отдельных регионах страны (19, 36). Однако отсутствие необходимого опыта, недостаточность научного обеспечения и доминирование в ряде случаев политических конъюнктурных интересов привели к многочисленным ошибкам на этом пути.

Типология регионов

Исследование экономики региона и выработка приоритетов регионального экономического развития невозможны без учета специфики регионов в общероссийской структуре, что и предполагает проведение их типологии. Последние публикации, касающиеся типологии регионов России, представляют собой довольно пеструю картину. Подходы к типологии значительно отличаются друг от друга (по выбранным критериям типологизации, по показателям в рамках одного критерия, по методикам расчета показателей). Разумеется, в зависимости от выбранной типологии происходит оценка экономических преобразований в регионах (2, 8, 9, 10, 14, 18, 22, 25, 27, 33).

Согласно первому подходу к типологии регионов, показатели “глубины” экономических реформ должны по возможности характеризовать степень прямого (административного) вмешательства государства в экономику (14). Исходя из этого, “продвинутость” реформ должна измеряться уровнем или темпами разгосударствления (приватизации) различных сфер экономики. Такой подход вполне оправдал себя при проведении сопоставлений между различными странами. Однако его применение для измерения межрегиональных различий в ходе экономических преобразований в российских условиях оказалось малопродуктивным.

Исследования региональных особенностей хода институциональных преобразований в России опирались, как правило, на такие статистические показатели, как структура основных фондов по формам собственности, количество и доля приватизированных предприятий, их распределение по методам приватизации, численность занятых и объемы производства на предприятиях различных форм собственности, структура капитальных вложений, розничного товарооборота, доля приватизированных квартир, доля земель в фермерских хозяйствах и т.п.

Не отрицая значимости полученных результатов, приходится констатировать, что они мало что дают для решения рассматриваемой проблемы (до сих пор так и не удалось получить во всех отношениях неувязимую типологию всех 89 регионов – субъектов РФ по “продвинутости” реформ). Основная причина неудач такого рода исследований, по мнению А.Лаврова, состоит в том, что вплоть до настоящего времени институциональные преобразования в России во многом остаются формальными и весьма слабо отражают реальный ход экономических преобразований в региональном разрезе (14).

Второй подход выделяет: добывающие регионы; регионы с высоким удельным весом гражданских отраслей и обрабатывающей промышленности; регионы, ориентированные на военно-промышленный комплекс; территории Крайнего Севера и Дальнего Востока; регионы, имеющие спад производства за счет внеэкономических факторов. Данная типология проведена с учетом особенностей государственного регулирования регионального развития, направленного на преодоление кризисного спада промышленного производства (9, 18). При всех положительных моментах такой подход не учитывает, во-первых, возрастающую в регионах

тенденцию к экономической самостоятельности; во-вторых, охватывает лишь отрасли промышленности, игнорируя целостность региональной экономической системы; в-третьих, может быть использован только для анализа кризисных ситуаций в промышленности; в-четвертых, не затрагивает социальные проблемы, столь актуальные в наши дни.

Третий подход к типологизации регионов базируется на выделении их основной специализации: это агропромышленные, транс-порто-промышленные, газонефтепромышленные и др. регионы (22). Такая группировка ориентирована на устойчивую экономику и поэтому не может отражать особенностей сегодняшней дифференциации регионов, но рекомендуется использовать ее в качестве вспомогательной при других способах типологии.

Четвертый подход представлен в Программе правительства РФ (24). Здесь в качестве определяющего фигурирует показатель спада производства и выделены регионы, имеющие наибольший спад производства: регионы с высокой концентрацией отраслей с сокращающимся спросом (оборонная промышленность и инвестиционное машиностроение); регионы, испытывающие недостаток сырья или не выдерживающие конкуренцию импортной продукции (например, “текстильные” регионы); регионы, удаленные от основных поставщиков и потребителей (регионы Крайнего Севера и Дальнего Востока). По мнению некоторых экономистов, в Программе нет четко обозначенного подхода к выделению региональных типов (7). Об этом свидетельствует еще один вариант типологии, также приведенный в Программе, согласно которому регионы “выделяются в зависимости от уровня развития, глубины кризисных процессов, значения в решении общегосударственных социально-экономических задач” (24, с. 156-157). Типология фактически представлена по группе проблемных регионов, которые подразделяются на отстающие, депрессивные, кризисные и регионы особого стратегического значения. Причем характеристики этих типов, указанные в Программе, не позволяют определить границы между типами, что исключает возможность проведения такой типологии на практике. Кроме того, типология является неполной, так как не охватывает относительно благополучные регионы.

Пятый вариант типологии, как и предыдущий, охватывает только депрессивные и отстающие регионы, что также является основным его недостатком. Между тем интересен подход к типологии с учетом основополагающих региональных проблем — экономических, геополитических, этнических, экологических. Однако авторы не обозначают четко, какие конкретно показатели применяются при проведении группировки по перечисленным проблемам (25).

Согласно шестому подходу, предлагается ранжировать регионы в зависимости от степени регулирования цен на товары и услуги региональными (местными) органами власти и управления и уровню субсидирования экономики региона из регионального бюджета (14). Значительные полномочия по регулированию экономики, переданные регионам, позволяют, по мнению А.Лаврова, оценить реальные усилия региональных властей по реформированию экономики и их готовность уступить место саморегулирующимся механизмам. В то же время, типология по степени регулирования цен в значительной степени расходится со сложившимися представлениями о проводимой регионами экономической политике. Частично это объясняется несовершенством самой методики, которая применена в ее наиболее простом и потому наиболее наглядном варианте.

В седьмом подходе к типологии в качестве индикаторов используются прожиточный минимум, средняя заработная плата, уровень преступности, просроченная дебиторская и кредиторская задолженность региона, средняя задолженность по заработной плате, уровень безработицы, отношение числа безработных к числу вакансий (11). Оппоненты данного подхода считают, что выбор основных индикаторов носит случайный характер и продиктован в основном степенью доступности статистических данных. Попытка же одновременного учета всех индикаторов привела к тому, что полученная классификация (шесть классов) не может претендовать на роль качественно выполненной, так как отдельные классы (3, 4, и 6) содержат лишь по одному региону. А все остальные регионы оказались в первом (относительно благополучном) и во втором (относительно неблагополучном) классах.

Восьмой подход к типологии регионов предполагает учет каждого из основных показателей в отдельности. В качестве таковых предполагаются: уровень и темп роста номинальных доходов; соотношение денежных доходов и прожиточного минимума; глубина спада промышленного производства (ИФОПП — индекс физического объема промышленной продукции); глубина спада производства продукции сельскохозяйственных предприятий; темп роста производства сельскохозяйственной продукции населением; объем и динамика

просроченной задолженности по заработной плате; уровень и динамика бюджетной обеспеченности населения; степень бюджетной самостоятельности и др. Например, укрупненная группировка регионов по значениям ИФОПП дает четыре группы: глубокий спад производства (ИФОПП менее 80%), спад производства глубже среднего (ИФОПП от 80 до 95%), стабилизация производства (ИФОПП от 95 до 100%), рост производства (ИФОПП более 100%) (1, с.43). Достоинством данного подхода является то, что в отсутствие целостной концепции исследования уровня жизни, динамики производства и финансового положения в регионе он позволяет отразить различные стороны экономического процесса в зависимости от поставленной задачи и использует в качестве индикаторов широкий круг показателей, включающий и характеристики уровня жизни населения.

Девятый подход проводит ранжирование и группировку субъектов РФ по производству ВВП на душу населения без выделения каких-либо типов, поэтому его можно назвать типологией условно (33). Эта группировка носит половинчатый характер, так как отражает только достигнутый уровень производства, но не учитывает уровень жизни.

Десятый вариант также состоит в ранжировании, без выделения типов регионов. Однако он интересен тем, что называются две группы факторов: позитивные и негативные со своими наборами показателей. Позитивные описываются такими показателями: денежные доходы и темп их роста в расчете на душу населения, число зарегистрированных браков на 1000 человек, естественный прирост (убыль) на 1000 человек, территория (тыс. кв. км), численность населения, объем промышленной продукции, продукция сельского хозяйства, ввод в действие жилых домов, экспортные поставки по внутренним ценам, остаток иностранной валюты на конец года. Негативные факторы характеризуются следующими показателями: число зарегистрированных преступлений в расчете на 1000 человек, плотность населения, число умерших на 1000 человек, количество зарегистрированных разводов на 1000 человек, уровень безработицы, число умерших детей в возрасте до 1 года на 1000 родившихся (27, с.10-11). Основной недостаток этого подхода – слишком большой разброс показателей, а также применение некоторых абсолютных показателей и отсутствие их сопоставимости по отдельным регионам.

Одиннадцатый подход к типологии учитывает степень благоприятности инвестиционного климата (10). Здесь выделяются четыре группы регионов по их реакции на рыночные преобразования. Первая группа характеризуется сильной и устойчивой реакцией, благоприятными стартовыми условиями вхождения в рынок, выгодным геополитическим положением, диверсифицированной структурой производства, федеральной поддержкой. Вторая группа имеет сильную и устойчивую реакцию, но уступает первой по стартовым условиям, обладает сырьевой специализацией. Условно депрессивные регионы попадают в третью группу и характеризуются средней или подавленной реакцией на рыночные реформы, моноструктурой производства, достаточно высоким трудовым и интеллектуальным потенциалом, относительно благоприятными стартовыми условиями при высокой степени износа производственного аппарата. Регионы с наиболее слабой рыночной реакцией на проводимые экономические реформы попадают в четвертую группу. Их основные черты: моноструктура, преобладание аграрного сектора или отраслей легкой промышленности, неблагоприятные стартовые условия вхождения в рынок, разрушение хозяйственных связей, транспортная удаленность, экологические проблемы, нестабильная экономическая ситуация, региональные конфликты.

В целом этот методологический подход к типологии пригоден для практического применения, так как отражает специфику региональных экономических ситуаций и дифференциацию по степени рыночных преобразований. Он становится весьма популярным среди исследователей (6, 15, 30, 31 и др.). Но само определение инвестиционного климата носит слишком общий характер, представляя региональный инвестиционный климат как “систему социально-экономических отношений, формирующихся под воздействием широкого круга взаимосвязанных процессов на макро-, микро- и собственно региональном уровнях управления и создающих предпосылки для появления устойчивых инвестиционных мотиваций” (10, с. 91).

Двенадцатый подход оценивается в литературе как наиболее приемлемый из вышеизложенных, поскольку в качестве критерия используется уровень жизни населения. Это позволяет выделить три характерных для настоящего момента типа регионов. Первый тип включает “столичные” регионы с мощным финансовым сектором и экспортоориентированные Северные и Восточные регионы. Второй тип объединяет ряд областей и добившихся

экономического суверенитета республик с относительно невысоким (средним) уровнем доходов и низкими ценами. К третьему типу относятся экономически слабо развитые регионы с низкой покупательной способностью населения (1, с.77).

В последнее время все больше внимания уделяется усилению социального аспекта в проведении реформ. Именно поэтому все перечисленные подходы подвергаются критике, поскольку не позволяют выделить социально-экономические типы регионов. Для оценки социально-экономической ситуации, по мнению Е.Горшениной, необходим одновременный учет двух классификационных признаков: уровня жизни населения и уровня производства (7). Предлагаемый ею подход (тринадцатый) к типологии регионов использует показатель уровня развития производства региона, удовлетворяющий все необходимые требования (количественно отражает меру обособления регионов друг от друга; характерен для всех регионов; сопоставим и доступен). Речь идет о произведенном региональном продукте на душу населения. Показатель уровня жизни должен отражать величину потребленного регионального продукта в расчете на душу населения, однако на региональном уровне этот показатель пока не исчисляется.

Этот подход также имеет существенные недостатки. Во-первых, группировка проведена по усредненным показателям, поэтому дает лишь общее представление о социально-экономическом состоянии региона по сравнению с другими регионами России. Во-вторых, результаты группировки отражают ситуацию в статике, соответственно не учитываются долгосрочная и краткосрочная динамика развития регионов. Поэтому по каждому региону должны проводиться дополнительные исследования по выявлению причин существующего состояния и выделению факторов, не поддающихся учету.

Особого внимания заслуживают исследования, проведенные коллективом авторов из Московского центра Института “Восток – Запад”. В основе предложенного ими подхода (четырнадцатого) лежит концепция полного учета движения финансов, обусловленных налоговой базой региона и всеми каналами перераспределения бюджетных ресурсов между территорией и федеральным бюджетом, дающая качественно новое представление об экономическом развитии регионов (8, 28) (см. ниже).

Исследования в области межрегиональных различий свидетельствуют о том, что ученые и практики не ограничиваются узким представлением о региональных различиях, обусловленных фактом получения регионами финансовой помощи из фонда финансовой поддержки субъектов Федерации, и делением регионов на доноров и реципиентов.

Новое измерение региональных различий

Принципиальное отличие четырнадцатого подхода к типологии регионов состоит в использовании показателя ВРП по субъектам Федерации как многомерной оценки региональных финансов в системе региональных счетов, предусматривающая расчет элементов использования ВРП с учетом их физического наполнения.

Опыт расчета ВРП по субъектам Российской Федерации накоплен уже значительный. Его результаты официально публикуются начиная с 1994 г. Росстатом пока ведет расчеты ВРП по 79 из 89 субъектов Федерации. По понятным причинам отсутствуют данные по Чечне, а данные по автономным округам включены в данные соответствующих краев и областей.

Результатом анализа статистических данных стало разрушение мифов, которые родились в последние годы в российской регионалистике. По данным А.Макушкина, в 1996-1998 гг. в 50 регионах России объем собранных на их территории и зачисленных в федеральный бюджет налогов превысил объем переданной им финансовой помощи. Иначе говоря, 50 субъектов Федерации являлись в большей или меньшей степени донорами федерального бюджета. Причем в этих регионах проживает свыше 80% всего населения страны, тогда как на территории стабильных реципиентов – всего 10%. В силу балансового принципа оценки доноров и реципиентов, учет прямых расходов федерального бюджета в различных регионах, конечно, сокращает число стабильных территорий-доноров. Но даже с поправкой на этот фактор в их список попадает свыше 26 регионов, в которых проживает более 40% всего населения России. Еще 14 регионов в последние годы периодически попадали в группу доноров, а это почти 2/3 населения страны (28, с.XVI).

Бросается в глаза отличие этих цифр от устоявшегося представления о существовании лишь 9-12 регионов-доноров, свидетельствующее о реальной базе экономической стабильности в России и роли десятков новых региональных лидеров. На этой основе можно пересмотреть

концепцию регионов-локомотивов как точек роста в российской экономике, а также концепцию укрупнения регионов.

Хотя во всех документах, посвященных государственной региональной политике РФ, декларируется необходимость выравнивания регионов по уровню социально-экономического развития и благосостояния, научный анализ заставляет нас критически относиться к осуществимости их полного выравнивания по величине такого интегрального показателя как ВРП на душу населения. Вполне возможно, что в области государственных финансов, где речь больше идет о поддержании текущего потребления заданного набора социально-значимых товаров и услуг, эта задача может решаться быстрее.

Интересным представляется исследование вопроса о том, сколько лет понадобится отстающим регионам для достижения среднероссийского уровня ВРП на душу населения при тех или иных темпах роста экономики, а также определение темпов роста ВРП на душу населения в отстающих регионах для достижения среднероссийского уровня за определенное число лет (см. табл. 1 и 2).

Таблица 1

**Ежегодные темпы прироста ВРП на душу населения
наиболее отставших регионов, необходимые
для достижения среднероссийского уровня (%)**

Регионы	за 30 лет	за 20 лет	за 15 лет	За 10 лет
Ежегодный темп прироста среднероссийского ВРП на душу населения = 3%				
Республика Дагестан	8,374	11,165	14,028	19,977
Ингушская Республика	7,712	10,149	12,640	17,794
Республика Калмыкия	7,205	9,371	11,581	16,137
Республика Северная Осетия	6,810	8,768	10,762	14,859
Республика Тыва	6,708	8,612	10,550	14,530
Республика Адыгея	6,168	7,788	9,434	12,800
Кабардино-Балкарская Республика	6,147	7,757	9,391	12,734
Ежегодный темп прироста среднероссийского ВРП на душу населения = 5%				
Республика Дагестан	10,478	13,324	16,242	22,307
Ингушская Республика	9,804	12,288	14,827	20,081
Республика Калмыкия	9,287	11,495	13,748	18,392
Республика Северная Осетия	8,884	10,880	12,913	17,090
Республика Тыва	8,780	10,721	12,696	16,754
Республика Адыгея	8,230	9,881	11,559	14,990
Кабардино-Балкарская Республика	8,209	9,849	11,515	14,923

Как видно из таблицы, достижение наиболее отсталыми регионами среднероссийского показателя требует нереалистически высоких темпов роста и длительного времени. “Лучшие” из рассматриваемой группы регионов (Адыгея, Кабардино-Балкария) едва ли могут справиться с этой задачей за 15 лет, а самые отсталые (Ингушетия, Дагестан) – не меньше, чем за 30 лет. Это помимо прочего означает достаточно высокую инерционность территориальной структуры экономики РФ, что, конечно же, требует более долговременной и комплексной политики государства, направленной на сокращение межрегиональных различий.

Таблица 2

**Число лет, необходимых для достижения наиболее отставшими
регионами среднероссийского уровня ВРП на душу населения**

Регионы	3%	4%	5%	6%	7%	8%	9%	10%
Ежегодный темп прироста среднероссийского ВРП на душу населения = 3%								
Республика Дагестан	-	158	80	54	41	33	27	24
Ингушская Республика	-	139	70	47	36	29	24	21
Республика Калмыкия	-	125	63	42	32	26	22	19
Республика Северная Осетия	-	113	57	38	29	23	20	17
Республика Тыва	-	110	56	37	28	23	19	17
Республика Адыгея	-	95	48	32	24	20	17	14
Кабардино-Балкарская Республика	-	94	47	32	24	20	16	14

Ежегодный темп прироста среднероссийского ВРП на душу
населения = 5%

Республика Дагестан	-	-	-	116	81	55	41	33
Ингушская Республика	-	-	-	142	72	48	36	29
Республика Калмыкия	-	-	-	127	64	43	33	26
Республика Северная Осетия	-	-	-	115	58	39	30	34
Республика Тыва	-	-	-	112	57	38	29	23
Республика Адыгея	-	-	-	96	49	33	25	20
Кабардино-Балкарская Республика	-	-	-	96	48	33	25	20

Нельзя не сказать о том, что сопоставление субъектов Федерации по уровню ВРП на душу населения во многих случаях демонстрирует его недостаточность как обобщающего индикатора социально-экономического развития регионов. Можно выделить как минимум два негативных момента: 1) отрыв стоимостной оценки ВРП от его “физического” содержания как определенной массы товаров и услуг; 2) несоответствие величины ВРП и уровней материального благосостояния населения регионов, особенно для субъектов Федерации, занимающих самые первые и самые последние места по величине этого показателя на душу населения.

Например, авангардное положение северных регионов объясняется, главным образом, тем, что здесь концентрируются предприятия по добыче нефти, газа, алмазов, золота, производство цветных и редких металлов, дающих наибольшую денежную выручку на одного работающего. Из этого, однако, не следует, что все эти регионы благополучны в социально-экономическом смысле. Здесь наиболее тяжелые природно-климатические условия, наивысшая стоимость жизни, самые высокие инвестиционные издержки на единицу физического объема основного капитала и т.д. В последние годы, вследствие сокращения производства и инвестиционной деятельности на значительной части северных территорий, возросла безработица и начался интенсивный отток населения. Таким образом, первенство по ВРП на душу населения (в фактических ценах) и тяжелое социальное положение оказываются совместимыми (8, с.10).

Известно также, что из регионов, имеющих высокие показатели ВРП, значительная часть финансовых ресурсов перекачивается в другие регионы или за границу. С другой стороны, регионы, отстающие по величине этого показателя на душу населения, как правило, получают различного рода финансовые трансферты формально из Центра, а фактически из других субъектов Федерации.

Главным направлением совершенствования системы региональных социально-экономических индикаторов на базе системы национальных счетов является расчет элементов использования ВРП с учетом их физического наполнения. В терминах системы национальных счетов и ВРП важнейшим аспектом ответа на вопрос о регионах-донорах и реципиентах является подсчет конечного потребления субъектов Федерации (КПР). Расчеты фактического конечного потребления по регионам проводится Росстатом с 1995 г. Хотя приведенные ниже данные относятся лишь к 1996 г. и несколько устарели, группировка субъектов Федерации по объемам КПР на душу населения представляется характерной и для настоящего времени. Размах вариации ряда из 79 регионов составил в 1996 г. 22,3 раза (Москва и Ингушетия), коэффициент вариации – 44,9 %. По отношению к среднероссийской величине КПР на душу населения регионы делятся на шесть групп: 1) “регионы-лидеры” (более 150% от средней), 2) “развитые” (125-150%), 3) “благополучные” (100-125%), 4) “менее благополучные” (75-100%), 5) “бедные” (50-75%), 6) “наиболее бедные” (менее 50%) (8, с.10).

По мнению А.Гранберга, в группу безусловных лидеров входит пять регионов: Москва (355,0% к средней), Чукотский автономный округ (205,7%), Магаданская область (185,0%), Якутия (182,7%), Камчатская область (172,6%). К группе четырех “наиболее отсталых” отнесены следующие регионы: Алтай (около 50% к средней), Калмыкия (40,6%), Дагестан (23,7%), Ингушетия (15,9% к средней) (там же).

Показатели КПр должны корректироваться с учетом покупательной способности доходов населения, зависящей от региональных особенностей потребительских цен и тарифов на товары и услуги или от покупательной способности рубля в данном регионе. Такая работа уже проведена и дала интересные результаты.

В рамках расширенного представления о регионах-донорах и реципиентах ключевое значение имеют сопоставления произведенного и используемого ВРП в каждом субъекте Федерации. Официальная статистика в настоящее время не приводит данных по валовому накоплению в регионах. Достаточно надежные данные имеются только по главной части валового накопления – инвестициям в основной капитал (ИОК), составляющих до 3/4 объема валового накопления в целом по России. Гораздо менее надежны данные по другим элементам валового накопления – “стоимость приобретения за вычетом выбытия основного капитала” и “изменения запасов материального оборотного капитала”. Поэтому вместо показателя “используемый ВРП” мы считаем целесообразным проводить сопоставление регионов по сумме КПр и ИОК.

Среднее по регионам отношение суммы КПр и ИОК к ВРП составляет 82,5%. Более высокое отношение имеют 48 регионов, меньше – 31 регион. Распределение субъектов Федерации по этому показателю приведено в табл. 3.

Таблица 3

**Распределение регионов РФ по отношению суммы
КПр и ИОК к ВРП в 1996 г.**

Свыше 100%	11 регионов
От 90% до 100%	21 регион
От 82,5 % до 90%	16 регионов
От 75 % до 82,5 %	10 регионов
От 65 % до 75%	15 регионов
Менее 65%	6 регионов

Полученное распределение с большой вероятностью позволяет выделить регионы-доноры, отдающие часть произведенного у себя ВРП, регионы-реципиенты, получающие часть используемого ими ВРП посредством системы региональных перераспределений.

Если принять, что интервал между 75 % и 90 % является зоной неопределенности для выявления доноров и реципиентов (в этом интервале существенную роль играют неучтенные элементы валового накопления и погрешности), то в число устойчивых доноров попадает 21 регион, а в перечень устойчивых реципиентов – 32 региона (8, с.12). При этом в зоне неопределенности оказываются 26 регионов. В составе регионов-доноров, выделяемых по указанному правилу, находится большинство тех регионов, которые не получают трансферты из Фонда финансовой поддержки субъектов Федерации и по этому признаку считаются “донорами”. Это Башкортостан и Татарстан, Красноярский край, Самарская, Свердловская и Тюменская области. В группу регионов-реципиентов (имеющих отношение суммы КПр и ИОК к ВРП больше 90%) попадают регионы, обычно относящиеся к отсталым и депрессивным регионам (республики Северного Кавказа и южной Сибири, ряда областей Центральной России и некоторые другие).

Как подчеркивает автор последней типологии, консолидация усилий всех исследователей проблемы экономических отношений центра и регионов может принести очень важные результаты в плане развития наших представлений о реальной дифференциации регионов, о богатых и бедных территориях, о регионах-лидерах и регионах-аутсайдерах, а главное, это даст возможность поставить, наконец, государственную региональную политику на прочную базу достоверных данных и уберечь государство от необдуманных политических решений.

Таким образом, оценка региональных различий в ходе экономических реформ с помощью количественных параметров и критериев получила значительное развитие, хотя полученные результаты не могут считаться окончательными. Их задача – показать возможности и ограничения используемых методов.

Региональная политика

Государственное регулирование регионального развития, или региональная политика государства, лежит в основе всех экономических и политических преобразований в субъектах Федерации. Ее суть сегодня составляет перенос основных экономических реформ на региональный уровень, а также формирование и укрепление экономической основы для самостоятельного социально-экономического развития регионов.

Ученые отмечают стремительное официальное признание в России региональной политики за годы реформ как особой сферы государственной и общественной деятельности. Начиная с 1992 г. все экономические программы Правительства РФ (“Программа углубления экономических реформ” – 1992 г., “Развитие реформ и стабилизация российской экономики” – 1993 г., “Реформы и развитие российской экономики в 1995-1997 гг. – весна 1995 г.) включают разделы по региональной экономической политике. Ряд принципиальных положений закреплён в новой Конституции РФ, а также в Договоре о согласии, подписанном в 1994 г. большим числом государственных, политических, общественных, научных, коммерческих организаций. В обеих палатах Федерального собрания образованы специальные комитеты, занимающиеся региональной политикой (29).

Вместе с тем, приходится говорить и о том, что региональная политика в области задач развития пока не закреплена в виде какого-нибудь единого нормативного акта РФ. Общим документом, регламентирующим деятельность федеральных органов государственной власти в отношении политики развития регионов страны, является указ Президента РФ № 803 от 3 июня 1996 г., утвердивший “Основные положения региональной политики в Российской Федерации”, в которых закреплены цели и задачи региональной политики, определены направления их решения. Как показывает практика, документ не пользуется особой популярностью среди региональных лидеров, и решение большинства региональных проблем в стране опирается не на этот указ, а прежде всего на другие нормативные документы (28, с. 95).

Особенности новой региональной политики связаны с физико-географическими и историческими факторами, последствиями командно-распределительной экономики и ходом трансформации экономической и политической системы России. Она означает замену диктата центра на региональную автономию, а также формирование новых отношений государства с регионами. Другими словами, акцент в формировании конкретной экономической политики перемещается с федерального уровня на региональный, и теперь уже региональные органы власти должны самостоятельно определять приоритеты своего экономического развития в рамках единой правовой, налоговой, денежно-кредитной, инфраструктурной системы страны. Интересы территории становятся основным фактором регионального развития (18).

Некоторые авторы рассматривают процесс трансформации принципов государственного управления с 1991 г. как внутри-региональную дезинтеграцию экономической политики и полный отход от централизованного планирования (35). Это объясняется тем, что решение проблем регионального развития стало происходить в рамках двусторонних процедур и переговоров. В отличие от ранее существовавшей системы централизованной привязки территориальных проблем и проектов к общерегиональной государственной стратегии сейчас такой системы на деле не существует.

Дезинтеграции внутри страны способствуют: сокращение межрегиональных связей из-за роста транспортных тарифов, неконкурентоспособности производителей, переориентации регионов на внешние связи; усиление дифференциации рыночных условий; сбои в работе финансовой системы, что в целом не улучшает экономического положения регионов.

По мнению ряда авторов, в условиях реформирования российской экономики необходимо разумное сочетание двух подходов: регионализации и интеграции (8, 35 и др.). Регионализация предполагает учет специфики регионов, перенос ряда направлений реформ на региональный уровень, активизацию экономической деятельности на местах, разработку специальных программ реформ в регионах с особо отличающимися условиями. Интеграция предполагает развитие региона в единой системе с формированием необходимых связей между субъектами.

Как известно, региональная политика включает следующие направления: структурную, инвестиционную, финансово-кредитную, бюджетно-налоговую, внешнеэкономическую, научно-техническую и социальную политику. На региональном уровне структурная политика охватывает структуру экономики, структуру доходов и расходов, структуру потребления и накопления. Инвестиционная политика определяет источники, структуру, масштабы,

направления использования инвестиций. Финансово-кредитная политика контролирует использование государственных финансовых ресурсов, устанавливает формы и методы кредитования. Бюджетно-налоговая политика занимается региональными налогами и налоговыми льготами (их видами и ставками), формирует круг налого-плательщиков и объектов налогообложения. Внешнеэкономическая политика, как правило, ограничивается осуществлением совместных экономических проектов. Научно-техническая политика ориентируется на развитие научно-технического потенциала региона. Социальная политика включает ряд вопросов по социальной защите и социальному обеспечению. По каждому направлению региональной политики определяются свои приоритеты. Они могут быть отраслевыми, региональными, а также взаимосвязанными приоритетами федерального и регионального значения.

Основные задачи региональной политики отражаются в правительственных программах экономических реформ. Однако исследователи обращают внимание на слишком частые изменения в программных документах. Так, А.Гранберг отмечает, что анализ правительственных программ 1992-1995 гг. показывает, что цели, основные задачи, методы и формы региональной экономической политики сильно менялись. По его мнению, это не случайность, а отражение требований меняющейся политической и экономической ситуации (29). Вместе с тем, ежегодное обновление программных документов мешает проводить в жизнь новую региональную политику и не может способствовать экономическому росту в регионах.

Фактически проводимая в настоящее время региональными властями экономическая политика не имеет методики, основанной на количественных показателях и объективных критериях. По мнению специалистов, точной и своевременной информации о месте и роли региона в социально-экономической системе страны нет ни у федеральных, ни у региональных органов власти. Данные поступают с двухгодичным опозданием и существенно искажают реальную картину (18 и др.). Между тем выработка приоритетов экономической политики региона напрямую зависит не только от ясного представления о процессах, протекающих в самом регионе, но и от места, которое он занимает среди прочих регионов Федерации.

Эволюция взглядов на концепции регионального развития

В российской экономической практике самыми распространенными являются концепции поляризованного и структурно-инновационного развития регионов (20).

Главная идея поляризованного развития выражена в тезисе, что рост не происходит везде и сразу, он возникает в точках, или полюсах роста, с неодинаковой интенсивностью распространяется по различным каналам, вызывая разнообразные конечные результаты. В соответствии с этой концепцией концентрация, а затем распространение экономического роста на определенной территории связаны с про-пульсивными предприятиями, которые, в силу своих крупных размеров и принадлежности к прогрессирующим отраслям, способствуют росту других предприятий, в том числе и в других отраслях.

Сторонники концепции утверждают, что в принципе возможен подбор таких отраслей, чтобы в регионе всегда по крайней мере часть экономики испытывала подъем, поэтому целесообразно в качестве полюса роста рассматривать не какую-то отдельную точку (фирму), а взаимосвязанную совокупность предприятий и отраслей. Именно из этой идеи исходит региональная интерпретация. Теория поляризованного развития, перенесенная на уровень регионов, выглядит следующим образом.

Инвестиции, предназначенные для регионального развития, концентрируются в ограниченном числе отобранных по определенным признакам экономических объектов и географических пунктов в расчете на поляризационный эффект, который не является непосредственной целью инвестиций, но тем не менее с необходимостью следует за ним. Практика, однако, показала, что эффективность данного подхода оказалась крайне низкой. Это объясняется, прежде всего, ограниченностью ресурсов (которых не хватает не только для всей страны, но и для депрессивных регионов), а также отсутствием у некоторых районов на данном этапе объективных предпосылок ускоренного развития. Альтернатива такой политики – традиционная региональная политика “рассеянного впрыскивания капиталов”.

Как считают Ж.Мингалева и С.Ткачева, более эффективен подход, предусматривающий поляризованное развитие, когда государственные инвестиции концентрируются там, где от них ожидается большая экономическая отдача (20). Имеются в виду такие районы, в которых географическое положение, характер ресурсов благоприятствуют развитию пропульсивных

видов деятельности. В выбранном регионе определяется пункт, которому предстоит стать полюсом роста. Обычно это центр данного района или обладающий уникальным локализованным ресурсом пункт, который может впоследствии занять место старого центра. Далее помощь государства полюсу роста может осуществляться следующими путями: участие в изыскательских и проектных работах, инвестиции в инфраструктуру, льготы предпринимателям и др.

После того как уровень развития создаваемого полюса роста достигнет определенного порога, особого вмешательства государства в виде льгот и масштабных инвестиций уже не требуется. Начинают работать поляризационные эффекты и различные мультипликаторы. Полюс роста развивается за счет эндогенных факторов. Поддержка полюса роста на начальном этапе его становления со стороны государства или региональной администрации выступает лишь как катализатор процесса регионального развития, однако без этого катализатора процесс может не пойти.

Хотя теория полюсов роста возникла применительно к отсталым и депрессивным районам, проблемы других районов тоже могут решаться поляризованно. Современные варианты полюсов роста – научные парки, технополисы, предпринимательские зоны – становятся сейчас во всех развитых странах рычагом не только регионального развития, но и научно-технического, и социально-экономического, и культурного прогресса общества в целом. Однако эта концепция имеет слабые стороны.

Во-первых, для создания и стимулирования полюса роста необходимы очень большие первоначальные государственные инвестиции.

Во-вторых, как показывает опыт зарубежных стран, создание полюса роста в виде технополиса или другой организационной структуры еще не означает обязательного экономического подъема в регионе.

В-третьих, реальный рост региона в большей степени определяется спецификой его внутренней индустриальной среды, состоянием производственного потенциала и структурой составляющих его отраслей.

Кроме того, зарубежные исследования успешного экономического развития территорий не подтверждают, что обязательным условием является наличие “полюсов роста”. Более того, формирование таких полюсов на основе крупного предприятия достаточно спорно. В России, и так страдающей от чрезмерной концентрации производства, создание крупного предприятия, способного вызвать поляризационный эффект, представляется экономически неэффективным. Господство крупных компаний может неблагоприятно сказаться на гибкости и изменениях в структуре производства. Параллельно с ростом некоторых поддерживаемых отраслей приходят в упадок отрасли местной мелкой промышленности, сельского хозяйства, обостряются жилищная и транспортная проблемы, происходит перераспределение труда и капитала и в результате создаются диспропорции на региональном уровне (7).

Наконец, концепция поляризованного развития предполагает применение в области инноваций стратегии “ожидания”, которая прежде всего апеллирует к кооперации с государством и предполагает отсев продуктов с высокой степенью риска. Однако долговременное применение такой стратегии означает потерю инновационного потенциала и оказывается губительным для обеспечения экономического роста.

В структурно-инновационной теории представляется совершенно верным перенос акцента в региональном развитии с антидепрессивного на структурно-инновационный (20). Авторы концепции видят стратегическую задачу в обеспечении подъема промышленного производства и рационализации структуры материального производства региона для достижения конкурентоспособности региональной экономики. К приоритетам структурной перестройки региона отнесены: социальная переориентация производств, снижение вредного воздействия на окружающую среду, техническое перевооружение действующих предприятий, развитие производственной инфраструктуры, становление гибких производственных структур и пр.

В структурных преобразованиях выделяются два этапа. Первый обычно направлен на преодоление экономического кризиса и спада производства с целью сохранения технического потенциала (путем поддержания определенных сфер экономики или отдельных социально-напряженных регионов). На этом этапе в качестве приоритетных сфер государственной поддержки выделяются отрасли, производящие жизненно важную продукцию (топливо, продовольствие, медикаменты и др.), а также социальная сфера (жилищное строительство, здравоохранение и т.д.).

На втором этапе достигается стабилизация и постепенный экономический рост. Он предусматривает создание долговременных стимулов развития, формирование льготных условий хозяйствования для наиболее перспективных отраслей и производств (например, освоение новых источников энергии, перспективных видов синтетических материалов, производство электронной техники, средств связи, расширение выпуска специализированных предметов потребления и т.д.).

Для достижения действительно стабильного развития и создания предпосылок долговременного и непрерывного экономического роста необходимо, чтобы структурные изменения подкреплялись активизацией инновационной деятельности. Структурные изменения должны быть направлены на увеличение выпуска высокотехнологичной, наукоемкой продукции при снижении удельного веса сырьевых отраслей, материалоемких и экологически вредных производств.

Говоря о структурных преобразованиях производства, рекомендуется определить место и роль в этом процессе государства. На первых этапах реформ в нашей стране преобладала точка зрения, в соответствии с которой основной акцент в преобразованиях делается на механизмах саморегуляции рынка. Поэтому структурные сдвиги в экономике происходили стихийно, путем межотраслевого перелива капитала на базе ликвидации большого количества предприятий. В результате стихийной структурной перестройки погибли многие предприятия передовых высокотехнологичных отраслей, которые отличаются большой долей рискованных вложений и длительным сроком их окупаемости. Механизм нерегулируемых российских преобразований не берет в расчет такие предприятия. Поэтому все больше ученых и практиков высказываются за государственное регулирование структурных преобразований путем поддержки приоритетных отраслей или отдельных производств (5, 7, 20, 35). Опыт проведения реформ в регионах свидетельствует о том, что там, где преобразования проходили с участием государства, реформы прошли успешнее. Опора на государство позволила регионам реалистичнее подойти к осуществлению рыночных мероприятий (13, 20, 35).

При этом отмечается наметившийся новый этап в рыночных преобразованиях на региональном уровне. Он состоит в мобилизации резервов экономического роста в региональном масштабе. Отдельные региональные руководители считают, что нельзя пассивно ожидать, когда “сверху” представят регионам некую идеальную модель роста. Переориентация экономических параметров и условий развития должна подталкиваться “снизу”. Государство должно быть не только партнером в поддержании рыночных отношений, но и активно формировать экономические процессы, участвовать вместе с предпринимателями в принятии важнейших экономических решений. Непременным условием является согласие с экономическими ориентирами государства всех групп населения, смягчение социального напряжения, стремление к достижению социальной справедливости.

Сейчас все большее число экономистов поддерживают позицию о нереализуемости социально-экономической политики, ориентированной на некие усредненные российские условия и показатели (16). Каждый регион по-своему уникален и неповторим и, как правило, характеризуется специфическим менталитетом. Сторонники данной позиции считают, что вскоре наше общество, в том числе и государственная власть, придет к пониманию того, что именно региональное многообразие страны выступает наиболее существенным обстоятельством специфического развития реформ в переходный период. В связи с чем более близка и понятна станет идея о том, что “скорость движения экономических преобразований в регионах не должна превышать темпы изменений менталитета населения” (16, с.10).

Специалисты отмечают и такой новый факт в развитии регионального производства, как наметившееся взаимодействие в решении насущных жизненных вопросов между регионами. Особое значение придается развитию торгово-экономических отношений и необходимости координации действий по максимальному удовлетворению спроса населения на продовольственные и непродовольственные товары. Так, в 1998 г. подписаны соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве Кабардино-Балкарской Республики практически со всеми республиками и краями Северного Кавказа, Москвой, Татарстаном (13, с.4).

По мнению специалистов, в процессе формирования регионального развития полезно использовать принципы и практику функционирования так называемых “периферийных экономик”, распространенных за рубежом. Речь идет об опыте создания рядом латиноамериканских стран локальных рынков, взаимовыгодных для всех участников. Как известно, эти страны с примерно одинаковым уровнем развития, успешно выстроившие товарный обмен друг с другом, сформировали частные сегменты мирового рынка.

Целесообразность такого рода действий подтвердили позитивные сдвиги в экономике Чили, Бразилии, Аргентины, Мексики, Перу и Уругвае (16). Отмеченное может иметь применение и в налаживании экономического сотрудничества между регионами России.

Региональная специализация и межрегиональный обмен способны вызвать цепь взаимосвязанных структурных сдвигов, направленных на рост эффективности региональных хозяйств. И такое взаимодействие уже получило разноплановое развитие в рамках региональных ассоциаций: Уральской, “Большая Волга”, “Сибирское соглашение” (16, с.14). Дальнейший процесс интеграции видится в развитии межассоциативных отношений и соглашений, что весьма положительно сказывается на развитии большинства российских регионов.

Очевидно, что выбор определенной стратегии экономического развития региона, учитывающей его специфику, возможности и всесторонние связи с другими субъектами и зарубежными партнерами, имеет большое значение для стабилизации положения в регионе и создания условий достижения экономического роста. Однако главная сложность заключается не в выборе конкретных приоритетов развития, а в их устойчивом использовании в динамике как базы для оценок и обоснования вариантов экономического развития региона.

Список литературы

1. Анализ тенденций развития регионов России в 1992-1995 годах // *Вопр. экономики*. – М., 1996. – № 6. – С.42-77.
2. Анализ тенденций развития регионов России: Типология регионов, выводы, предложения. – М., 1996. – 802 с.
3. Байдавлетов Р. Усиление государственного регулирования – фактор повышения благосостояния населения // *Экономика и управление*. – Уфа, 2000. – № 1. – С.4-8.
4. Безруков В. Основные проблемы развития экономической реформы в регионах Российской Федерации // *Экономист*. – М., 1996. – № 4. – С.7-15.
5. Боткин О., Бадаш Х., Сапожников Н. Индустрия может пойти на подъем при государственной поддержке (анализ промышленного комплекса Удмуртии) // *Экономист*. – М., 1996. – № 4. – С.26-27.
6. Горохолинский А., Шамрин А. Региональный аспект инвестиционных процессов // *Общество и экономика*. – М., 1996. – № 6. – С.131-141.
7. Горшенина Е.В. Экономическое развитие региона: Приоритеты, механизмы, модели. – Тверь, 1999. – 160 с.
8. Гранберг А.Г. Новое измерение в экономических отношениях “Центр – регионы” / *Федеральный бюджет и регионы: опыт анализа финансовых потоков*. – М., 1999. – С.7-12.
9. Григорьев О., Нещадин А. Альтернативные подходы к экономической реформе в регионах // *Общество и экономика*. – М., 1996. – № 6. – С.112-123.
10. Гусева К. Ранжирование субъектов РФ по степени благоприятности инвестиционного климата // *Вопр. экономики*. – М., 1996. – № 6. – С.90-99.
11. Жандаров А., Шиллер Ф. Анализ социально-экономической ситуации в регионах России // *Экономист*. – М., 1995. – № 7. – С.25-28.
12. Конев Д. Проблемы институционального анализа переходной экономики. – Курган, 1999. – 79 с.
13. Коков В. Политика стабилизации и экономического роста (региональный аспект) // *Экономист*. – М., 1999. – № 7. – С.3-13.
14. Лавров А. Оценка региональных различий хода экономических преобразований // *Общество и экономика*. – М., 1996. – № 6. – С.124-130.
15. Максимова Т. Региональная инвестиционная политика: оценка потенциала и использование резервов // *Рынок ценных бумаг*. – М., 1999. – № 13. – С.47-51.
16. Маннапов Р. О формировании стратегии экономического развития региона (теоретический и практический аспекты) // *Экономика и управление*. – Уфа, 2000. – № 1. – С.9-14.
17. Маркова Н. Регионы России: итоги четырех лет экономических реформ // *Экономист*. – М., 1996. – № 3. – С.47-55.
18. Маркова Н., Беденков А. Социально-экономическое положение регионов России (Обзор) // *Вопр. экономики*. – М., 1995. – № 3. – С.121-129.
19. Мау В. Российские экономические реформы глазами западных критиков // *Там же*. – 1999. – № 11. – С. 4-47.
20. Мингалева Ж.А., Ткачева С.В. Экономический рост в регионах: пригоден ли мировой опыт для России? // *ЭКО*. – Новосибирск, 2000. – №3. – С.131-140.
21. Миронов В. Москва в процессе горизонтальной интеграции внутрироссийского пространства // *Голос России*. – М., 1999. – № 3. – С.27-28.

22. Общая экономическая теория (политэкономия) / Рос. экон. академия им. Г.В.Плеханова. – М.: Промо-Медиа, 1995. – 315 с.
23. Региональные последствия социально-экономических реформ. – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 1996. – 215 с.
24. Реформы и развитие рос. экономики в 1995-1997 годах: Программа Правительства РФ // Вопр. экономики. – М., 1995. – № 4. – С.67-158.
25. Селиверстов В.Е., Бандман М.К., Гузнер С.С. Методологические основы разработки федеральной программы помощи депрессивным и отсталым районам // Регион: экономика и социология. – М., 1996. – № 1. – С.3-43.
26. Скрыпник В. Программа исследований ресурсов жизнеобеспечения народонаселения регионов России // Ресурсы регионов России. – М., 1999. – С.6-9.
27. Унтура Г.А. Неравномерность и поиск внутренних резервов развития регионов: методологический аспект // Регион: экономика и социология. – М., 1995. – №4. – С.3-23.
28. Федеральный бюджет и регионы: Опыт анализа финансовых потоков / Макушкин А., Лавров А., Богданов Л. и др.; Моск. центр Ин-та “Восток – Запад”. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – 26 с.
29. Федерализм и региональная политика: проблемы России и зарубежный опыт: Сб. науч. тр. / РАН Сиб. отд-ние. Ин-т экономики и орг.пром. пр-ва. Сиб. междунар. центр регион. исслед.; Науч. ред. Селиверстов В.Е. – Новосибирск, 1995. – Вып. 1. – 204 с.
30. Федоров В. Роль регионов в организации инвестиций // Экономист. – М., 1999. – № 6. – С.45-65.
31. Фишер П. Прямые иностранные инвестиции для России: Стратегия возрождения промышленности. – М.: Финансы и статистика, 1999. – 512 с.
32. Ханин Г. Стабилизация кризиса // ЭКО. – Новосибирск., 2000. – № 3. – С.11-50.
33. Чистяков Е., Теплухина Т. Валовой внутренний продукт регионов – субъектов РФ // Экономист. – М., 1996. – № 4. – С.16-18.
34. Шабанов И. Развитие производства – основной источник повышения уровня жизни населения // Там же. – 2000. – № 4. – С.60-68.
35. Экономическая реформа: теория и практика /Адмидин А., Быков С.В., Гудкова Е.В. и др.; Под общ.ред. Минакира П.А.. – Владивосток: Дальнаука, 1997. – 327 с.
36. Ясин Е. Поражение или отступление? // Вопр. экономики. – М., 1999. – № 2. – С. 4-28.